

УДК 792(47)"19"(092)
ББК 85.334.3(2=411.2)6-8
DOI 10.25281/2072-3156-2019-16-6-628-639

А.Ф. ВЕКСЛЕР

ИППОЛИТ НОВСКИЙ И ВЛАДИМИР ПОЛЛАК: ВЛЮБЛЕННЫЕ В ТЕАТР (МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ)

Ася Филипповна Векслер,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
факультет коммуникаций, медиа и дизайна,
департамент интегрированных коммуникаций,
доцент
Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, стр.1,
Москва, 101000, Россия

кандидат политических наук
ORCID 0000-0002-8763-4342; SPIN 3263-6597
E-mail: vekpr@mail.ru

Реферат. *Ипполит Новский и Владимир Поллак — имена, которые ничего не скажут современным театрам, и даже специалисты, хорошо знающие театральное прошлое нашей страны, едва ли их вспомнят. Тем не менее эти люди внесли свой скромный вклад в развитие российского театрального искусства. Образованные, разносторонне одаренные, знатоки антиквариата, они, к сожалению, не оставили мемуаров. Даже их письма практически не дошли до нас. Советская история 1930-х гг. знает немало таких примеров. Новым средневековьем можно назвать то время, когда людям приходилось уничтожать бесценные*

свидетельства, личную переписку, собственные воспоминания. К сожалению, это в полной мере коснулось и наших героев, особенно В. Поллака — в 1960-е гг. помощника режиссера Ленинградского драматического театра им. В.Ф. Комиссаржевской.

Иначе наверняка мы знали бы об их жизни и дружеском общении значительно больше. А люди, их окружавшие, были более чем достойны нашего внимания.

Потомственный дворянин Ипполит Петрович Семеновский (псевдоним — Новский) был близким другом Е.Б. Вахтангова и Б.М. Сушкевича, вместе с творческим союзом Б.М. Сушкевич — Н.Н. Бромлей разделил их ленинградский творческий период. Играл сначала во МХАТе, а затем на сцене Ленинградского государственного академического театра драмы им. А.С. Пушкина, преподавал актерское мастерство в Центральном театральном училище, в мастерских Б.М. Сушкевича и Е.И. Тиме, в Карело-Финской студии.

В период ленинградской блокады И.П. Новский работал на радио, и звучавшие в его исполнении произведения русской классики поддерживали в ленинградцах силы и надежду. И.П. Новскому и В.М. Поллаку пришлось пережить немало драматических событий, но они сохранили вер-

ность и глубокую любовь к театру. Это были люди из числа незаметных, но незаменимых служителей Мельпомены.

Ключевые слова: театр, МХАТ 2, Е.Б. Вахтангов, Ленинградский театр Госдрамы, Н.Н. Бромлей, Б.М. Сушкевич.

Для цитирования: Векслер А.Ф. Ипполит Новский и Владимир Поллак: влюбленные в театр (материалы к творческой биографии) // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 6. С. 628–639. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-6-628-639.

Ипполит Петрович Семеновский¹ родился 13 августа 1881 г. в Москве в семье потомственного дворянина, судебного следователя П.И. Семеновского (1840–1881) и крестянки О.С. Дубровской (1851–1926). Его мать, «не имея никакого капитала и никакой недвижимости» [1, л. 29], одна вырастила трех сыновей и каждому дала высшее образование. Старший брат Петр Петрович, исполнявший обязанности судебного следователя по уголовным делам в Москве (затем — инженер на железной дороге), скончался от чахотки в 1923 году. Средний брат — Александр Петрович, хирург Данковской земской больницы (Липецкая область) — умер в 1919 г., заразившись брюшным тифом во время операции.

Александр Петрович Семеновский оказался первым доктором, вызванным телеграммой к заболевшему Льву Толстому на станцию Астапово 1 ноября 1910 года.

В Государственном музее Л.Н. Толстого хранятся два документа земского врача — очерк и телеграмма, посвященные кончине Льва Толстого, переданные сюда в дар в феврале 1924 г. братом Александра Петровича Ипполитом.

Ипполит Петрович Семеновский в 1903 г. закончил московскую классическую гимназию, а в 1908 г. — юридический факультет

¹ Личные документы И.П. Семеновского хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 354. Оп. 2. Д. 165. 48 л.

Ипполит Петрович Семеновский
(Новский)

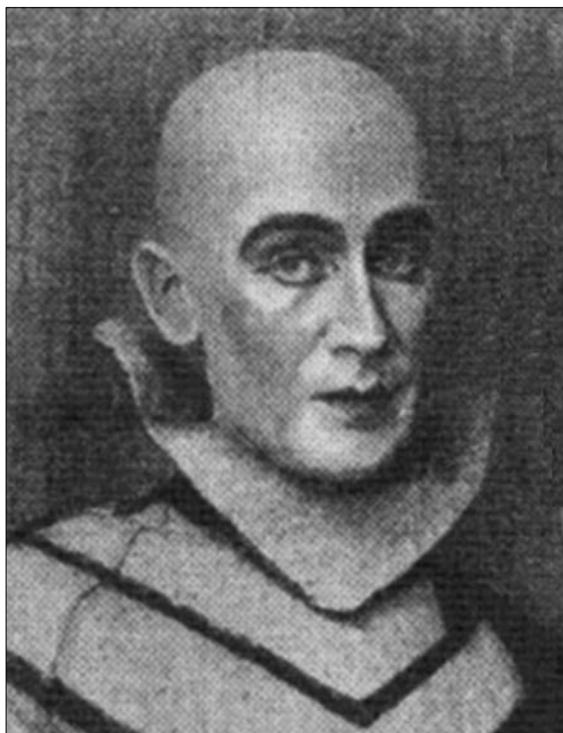
Московского университета. Семь лет работал в Московском окружном суде, а затем судебным следователем по уголовным делам в Рыбинском уезде. Одно время И.П. Семеновский был помощником сенатора, участвовавшего в знаменитом «деле Бейлиса» — по-видимому, на стороне просвещенных противников обвинения. Но главной страстью молодого юриста был театр. Еще гимназистом он часто играл в любительских спектаклях. В университете он познакомился с Е.Б. Вахтанговым и с Б.М. Сушкевичем, участвовал в спектаклях студенческого драматического кружка, который организовал Е.Б. Вахтангов. Практически одновременно с Б.М. Сушкевичем сдал экзамен в театральную школу при МХАТе.

Личная жизнь Ипполита Петровича сложилась непросто. По его рассказам, сохранным М.Н. Бариновой, женился он рано, чуть ли не студентом, и очень скоро пережил настоящую трагедию: юная жена скончалась от перитонита. Он ушел в подмосковный монастырь, но разочарование в монашеской жизни вернуло его к жизни светской.

ИППОЛИТ НОВСКИЙ: «ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ К ТЕАТРУ»

В 1906–1907 гг. Ипполит Петрович Семеновский вместе с Е.Б. Вахтанговым и Б.М. Сушкевичем участвовал в организации литературно-музыкального драматического кружка при Московском университете и тогда взял себе псевдоним «Новский».

Революция застала И.П. Новского в театре Пролеткульта города Рыбинска. Как пишет Новский в автобиографии, «в 1919 году

И.П. Новский в роли Розенкранца
в пьесе «Гамлет». 1924 г.

был приглашен Вахтанговым в Первую студию МХАТа (впоследствии МХАТ 2-й), где и пробыл до 1 января 1934 года» [1, л. 32].

И.В. Ильинский, сам не раз выступавший на сценах губернского Пролеткульта, вспоминал: «Эти спектакли игрались почти без репетиций и могли считаться настоящей халтурой, ставились они в клубах... фабрик, в непригодных, неотапливаемых помещениях» [2, с. 47].

1-я Студия была сообществом талантли-

вых молодых актеров, «верующих в систему Станиславского». Коллективная режиссура, совместная работа над ролями, увлеченная, товарищеская атмосфера — эти особенности творческой жизни Студии привлекали сюда молодые таланты.

Начиная с 1916 года 1-ю Студию фактически возглавил Борис Михайлович Сушкевич, создавший здесь особую атмосферу, где «не было борьбы за роли» [3, с. 66]. На всю жизнь он стал близким другом Ипполита Новского.

В первые послереволюционные годы актеры МХАТа и 1-й Студии, для того чтобы получить паек, давали одноактные пьесы в помещении театра-кабаре «Летучая мышь». И.П. Новский вместе с С.В. Гиацинтовой играли фрагмент из «Пигмалиона» Б. Шоу [4, л. 6].

В мае 1921 г. на заседании Первой студии МХАТ происходит распределение ролей в спектакле «Гамлет», одной из последних постановок, над которой работал Е.Б. Вахтангов. Новский должен был играть здесь священника [5, с. 330]. Но на сцену в «Гамлете» Ипполит Петрович вышел только в ноябре 1924 года в роли Розенкранца [6, с. 330]. Спектакль начали репетировать в статусе 1-й Студии, а премьеру играли уже во МХАТе 2. В апреле 1925 г. И.П. Новский принимает участие «в концерте» во время премьеры увертюры Р. Шумана «Манфред» [6, с. 640].

В первой монографии о МХАТе 2 [7], в посвященной И.П. Новскому «портретной статье», очерчен творческий путь артиста в студийных спектаклях. Новский играет роль Сванте Стуре в «Эрике IV», канцлера в «Балладине», отца Катарини и Бьянки в «Укрощении строптивой», юродивого Алешу Босого в «Рассточителе». Театральная жизнь Ипполита Петровича всегда была насыщенной — никогда он не играл главные роли, но был постоянно занят в репертуаре.

На гастролях Новский иногда заменял своего режиссера в его любимой роли — чтеца в спектакле «Сверчок на печи» по рождественской сказке Ч. Диккенса. Именно этот спектакль сделал студию знаменитой. Как замечательно писал о прологе спектакля Н.Е. Эфрос: «Мягким хриплым шепотком кто-то из темноты стал рассказывать о сердито-подбоченившемся и обиженно закипевшем чайнике,

о сверчке на печи и его милой песне, об извозчике Джоне Пирибингле, который вот сейчас везет во вьюгу почту и который так любит свою жену — “малютку”...» [8, с. 9]. Нередко это был голос Новского...

Ипполит Петрович преподает также актерское мастерство, ездит с гастрольями по СССР. В начале 1930-х гг. театр поехал на восток Украины. 9 июня 1933 г. Новский пишет из Днепропетровска: «...Жизнь тяжелая здесь, люди в деревнях пухнут с голоду... Гастроли в Макеевке и Сталино успеха почти не имели. Особенно в Макеевке не до театра» [9, л. 471].

МХАТ 2 переживает сложные времена. Неуютно чувствует себя не только Б.М. Сушкевич, но и все актеры, близкие к нему. В начале 1933 г. Борис Михайлович назначен руководителем Ленинградского театра Госдрамы (ныне — Российский государственный академический театр драмы им. А.С. Пушкина (Александринский)).

В начале января 1933 г. распоряжением дирекции № 3 Новский принимает обязанности заведующего труппой МХАТ 2 «по совместительству с 1 января с. г. Оклад 150 руб.» [6, с. 780].

1 ноября 1933 г. Новский в негодовании сообщает Бромлей: «Наглость второмхатовских сатрапов дошла до апогея — мне предложено в 24 часа собраться и ехать на 2 месяца в Тулу, в Тульский комбинат по организации самодеятельных кружков и для культурной связи театра с производством» [10, л. 1 об.—2].

Следом за Б. Сушкевичем покинули театр Н. Бромлей, А. Козубский, А. Ратко, В. Дудин, Т. Козлова, А. Глумов. Уехал в Ленинград и И.П. Новский. Судя по письмам, его старались удержать, убеждали остаться.

«Борис² говорит, что мой уход — это не уход Глумова, Сорокина et tutti quanti [все они], что мой уход плохо отзовется на положении театра вообще, что я должен подумать о театре, а не о себе...Масса сочувствующих моему уходу...Ах, сколько слез! Не ожидал», — пишет Нов-

² Б.М. Афонин (1888–1955), артист Первой студии и МХАТ 2, затем работал руководителем Центрального театра транспорта, режиссером Центрального Театра Красной армии, педагогом. В годы Великой Отечественной войны был руководителем Фронтowego Музыкального театра ВТО.

Мария Николаевна Баринова — выдающаяся пианистка, педагог-новатор, профессор Ленинградской консерватории

ский Надежде Бромлей 28 ноября 1933 года [10, л. 1 об.—2].

Несомненно, мало кто знал, что была еще одна причина, заставившая артиста спешно покинуть Москву...Об этом мы будем говорить ниже. А здесь стоит подчеркнуть интуицию этого человека, его предчувствие нарастающего в стране мрака...Уехав, он по-видимому спас жизнь себе и другим людям, хотя и прошел свой крестный путь...

Новский переехал в Ленинград в самом начале 1934 года. Он снял комнату в квартире Марии Николаевны Бариновой (1878–1956) — выдающейся пианистки, профессора Санкт-Петербургской консерватории. На руках у Марии Николаевны была тяжелобольная мама и сын-школьник, семья очень нуждалась — поэтому было решено сдать комнату в большой родительской квартире.

Младший сын Марии Николаевны — Ю.В. Гамалея (1921–2015), ставший дирижером Ленинградского театра оперы и балета им. С.М. Кирова, преподавателем Ленинградской консерватории, подготовил и издал мему-

ары своей матери. Именно этой книге мы обязаны сохранившимися подробностями о жизни И.П. Новского в Ленинграде в самые трагические для страны годы «большого террора» и ленинградской блокады.

Немолодой, интеллигентный артист произвел хорошее впечатление на пианистку. Он посетил дом «вместе со своим другом артисткой Бромлей» [11, с. 502]. М.Н. Баринава рисует портрет своего гостя: «Высокий, худой... с бритым лицом и дергающимся от нервного тика глазом, с моложавой фигурой и лицом старца» [11, с. 512].

Первая роль, которую Новский получил в Ленинграде, — роль инженера Прибылева в очень популярной в 1930-е гг. пьесе «Чужой ребенок».

Хозяйка квартиры отмечает, что Ипполит Петрович умел удивительно гримироваться. «Целая коллекция фотографий в разных ролях создавала впечатление разнообразных и очень ярких типов» [11, с. 512]. Насмешливая пианистка добродушно описывает творческую неудачу актера: «После спектакля Новского отчаянно изругали в газетах и назвали его игру “любительской”. Невский был и возмущен, и взволнован. Он бегал по редакциям, советовался с актерами и старался насолить дерзкому критику» [11, с. 512].

Интеллигентной и умной хозяйке квартиры актер поведал тайную историю, которая заставила его покинуть столицу. В Москве с ним приключилась большая беда.

«После смерти матери Новский жил в Москве с каким-то молодым человеком (Владимир Михайлович Поллак), которого он подобрал и помогал ему. Этот молодой человек отличался, по словам Новского, недюжинным поэтическим талантом, но не работал как писатель, а зарабатывал деньги реставрацией фарфора и картин. Отсюда явилась и коллекция старинных предметов, привезенных Новским из Москвы» [11, с. 512].

В середине 1933 г. В. Поллак был арестован. Новский полагал, что, возможно, следующий на очереди будет он — и, воспользовавшись дружбой с Б.М. Сушкевичем, спешно уехал из столицы.

Другая опасность была впереди. И не менее грозная. В марте 1934 г. вступил в силу закон

об уголовной ответственности за мужеложество. Новского это касалось самым непосредственным образом. Как с юмором писала в своих мемуарах М.Н. Баринава, «по своей природе был подобен своему коту, которого прислуга называла “полукотье”» [11, с. 514].

Рассказ о Владимире Михайловиче Поллаке приоткрывает очень личную, интимную сторону жизни артиста. Она полна загадок, во многом отражающих условия того страшного времени.

Владимир Поллак стал приемным сыном Новского — о чем тот писал в автобиографии в декабре 1946 г.: «Я имею сына, который усыновлен законным порядком Владимира Михайловича Поллака, рождения 1905» [1, л. 33]. Судя по воспоминаниям М.Н. Бариновой и сохранившимся письмам, Новский не только взял на попечение этого молодого человека — он помогал и его сестре с двумя маленькими дочками, и своему племяннику, оставшемуся без родителей после гибели матери в автомобильной аварии осенью 1933 года. Были у потомственного дворянина и иные качества, которые, по-видимому, выделяли его среди окружающих. Он обладал большой терпимостью: «спекулянтство, подсиживание, пьянство, фальшь — эти пороки он прощал людям со своей монашеской незлобливостью» [11, с. 514].

...Ленинград не стал для актера тихой пристанью. Зимой 1934 г. был убит первый секретарь Ленинградского губернского комитета партии С.М. Киров.

Эта новость была воспринята Новским с особой тревогой. «Вот увидите, теперь начнутся аресты, каких мы давно не видывали», — повторял он [11, с. 517]. И не ошибся. Убийство С.М. Кирова послужило поводом для начала массовых репрессий. Из Ленинграда потянулся знаменитый «кировский поток» высланных и репрессированных. Были среди них ученики М.Н. Бариновой — молодые пианисты, ее коллеги, друзья, знакомые. Актер не спал ночами... Но через несколько дней он собрался в Москву. Спасать, как пишет Баринава, своего «quasi пасынка».

Хлопотать за друга актер начал с момента его ареста. В письме Н.Н. Бромлей 20 октября 1933 г. Новский сообщает, что готов к худшему и рассказывает об обвинениях Поллака:

«Обвиняют в агитации против Советской власти, выразившейся в стихах Есенина и Демьяна Бедного и только, найденных при обыске» [12, л. 67].

Через месяц — 21 ноября 1933 г. он делится с Н.Н. Бромлей важными подробностями о своем друге: «Прокуроры — оба, которые теперь уже мои гости (оба были и в восторге от вещей!) — и в один голос говорят, что 2 года это не кара, не наказание, а “профилактика”. Этого срока нет в законе, что этим доказывается, что он не виноват, но освободить его совсем нельзя, так как “кампания” ведется, что он один только получил такой маленький срок, что через год тахітум он вернется и пр. и пр. Пока я не нажимаю на них» [13, л. 60].

М.Н. Баринава вспоминает, что ради того, «чтобы смягчить прокурора, ведущего дела его любимца, Новский подарил ему несколько редких судейских книг (царского времени)» [11, с. 592].

Видимо, именно на это актер намекает в письме Надежде Николаевне — они понимают друг друга с полуслова.

После убийства С.М. Кирова Новский спешит в Москву — повидать людей, от которых зависела жизнь Поллака. И не просто повидать...

В декабре 1934 г. актер продает несколько раритетов Государственному литературному музею: фарфоровую курительницу Императорского фарфорового завода XIX в. — за 250 рублей и рукопись Н. Сатина «Молодой человек» — за 20 рублей. Актер выручил от продажи примерно месячную зарплату инженера. Несомненно, он нуждался в деньгах для помощи своему другу.

Хлопоты актера за своего друга приоткрывают нам одну из малоизвестных страниц работы репрессивной машины 1930-х годов. Оказывается, действовала и была вполне эффективной система взяток, «подношений» и связей, которая влияла на приговоры.

...Судьба самого актера по-прежнему тесно связана с семейством Сушкевич-Бромлей. Почти до начала Великой Отечественной войны они работают вместе.

Новский играет на сцене Ленинградского государственного академического театра драмы им. А.С. Пушкина, исполняет «вторые» и небольшие возрастные роли — драматические, комедийные, водевильные. В 1936 г. сни-

И.П. Новский в роли лейб-медика Мандта в фильме «Пирогов». 1947 г.

мается в роли графа Разумовского в фильме «Юность поэта», посвященном 100-летию гибели А.С. Пушкина. Преподает актерское мастерство в Центральном театральном училище и в мастерских Б.М. Сушкевича и Е.И. Тиме. Является одним из художественных руководителей Карело-Финской студии.

Но репрессии коснулись его и в Ленинграде. В 1934 г. по ложному доносу арестована М.Н. Баринава — ей вменялось в вину чтение религиозных, теософских книг, литературы на немецком языке. Часть обвинений строилась на сообщениях Новского. Несколько раз его вызывали на допрос. Новский «был растерянным и отвечал невпопад, путаясь в своих показаниях» [11, с. 539].

В итоге все свелось к «неумышленной» агитации против власти, и в 1935 г. М.Н. Баринава вышла из заключения с парализованной левой рукой — последствием стресса. Был освобожден и задержанный Новский.

В военное время театр Госдрамы был эвакуирован в Новосибирск. Актер по болезни остался в Ленинграде и пережил здесь блокаду. Он служит артистом отдела литературоведения Ленинградского радиокомитета, участвует в Ленинградской Военно-Шефской комиссии по обслуживанию армии и флота, преподает в театральном институте, активно сотрудничает с Радиокомитетом.

11 октября 1941 г. Ипполит Петрович пишет Н.Н. Бромлей: «Ежедневно и еженочно де- журю с 6 вечера до 8 утра добровольно и без мзды, оплачивая своей работой ночлег, кое- го лишен из-за холода, царствующего среди моих деревяшек и фаянсов... День распределя- ется между обмыванием, питием черного кофе дома и работой в Институте...». В октябре-ноя- бре 1941 г. Новский рассказывает об ушедших из жизни знакомых и о «безвозвратно» погиб- ших «изделиях» А.Я. Головина, К.А. Корови- на, В.В. Дмитриева, Б.М. Кустодиева и других мастеров. По-видимому, речь идет о сгорев- ших авторских декорациях. Новский часто пи- шет о любимом городе — о разрушенном бом- бежкой доме XVIII в., о пострадавшем особняке Шуваловых на Фонтанке. И постоянно — о сво- ей работе: «студенты как ртуть... то в бригады, то еще куда-то» [14, л. 70].

13 декабря 1941 г. — в начале страшной блокадной зимы, Ипполит Петрович рассказы- вает уже только о драматических событиях — о том, что «люди пухнут от голода, умирают пачками. Хоронить трудно. По 10–12 дней ле- жат, ожидая своей очереди. Паек очень мал...» [15, л. 66].

«Ежедневно бываю в Институте, где приго- товил с середины сентября две пьесы: “Бабы сплетни” и “Женитьба Бальзамина” на кар- рельском курсе... Есть слух о эвакуации Инсти- тута, но в январе. Ехать не хочу... верю в нашу победу и всегда верил...» [15, л.66].

В декабрьском письме вести самые пе- чальные: накануне разбомбили соседний дом и квартиру Б.М. Сушкевича заняли. Не пере- жил страшную зиму песик Бромлей. «Бири- бишка погиб, съеденный за Ваше здоровье. Тянули мы с Анной Николаевной до послед- него. В городе не осталось ни кошек, ни собак, ни голубей. До крыс еще не дошли. Туго нам, ой как туго!» [15, л. 66].

Кончается первый блокадный год. Ипполит Петрович 27 декабря 1941 г. поздравляет своих далеких друзей с наступающим Новым годом: «...Авось, скоро все наладится, вы все вернетесь к родным пенатам и по вечерам мы будем рас- сказывать Вам, что мы пережили и как охра- няли, как могли, свой храм...» [16, л. 67].

После победы в Ленинград вернулись дол- гожданные друзья — семейство Сушкевич —

Бромлей и Володя Поллак, приехали любимые театры. Но здоровье Б.М. Сушкевича было по- дорвано скитаниями военных лет — он ушел из жизни спустя год.

На сцене в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Новский играет небольшие возрастные роли в спектаклях «Полководец Суворов», «Вели- кий государь», «Живой труп», «Борис Году- нов», «Гамлет, принц датский», «Горе от ума», «Коварство и любовь».

В 1947 г. И.П. Новского приглашают на роль лейб-медика Мандта в фильме по сцена- рию Юрия Германа режиссера Григория Ко- зинцева — «Пирогов». За эту работу съемочной группе фильма была присуждена Государствен- ная премия СССР.

В 1956 г. Новский выходит на пенсию. Ему было 75 лет. Живет Ипполит Петрович по адресу: Канал Грибоедова, д. 119. Напро- тив — через канал — стоит знаменитый Дом Ивана Вальха, где, по свидетельству современ- ников, А.С. Грибоедов писал первые сцены ко- медии «Горе от ума», а Ф.М. Достоевский по- селил свою старуху-процентщицу, которую с преступными намерениями навестил Роди- он Раскольников...

Автор статьи уверен, что Новский прекрас- но знал эти истории. Наш герой жил рядом с прошлым, которое, наверное, было для него понятней, ближе и дороже окружающего мира. Потомственный российский дворянин и актер Ипполит Петрович Новский (Семеновский) умер в 1960 году.

В характеристике, подписанной Л.С. Вивье- ном, помимо привычных слов о «большой те- атральной культуре» артиста, мелькнула жи- вая и искренняя строка. Хочется верить, что художник Вивьен написал ее от всего сердца: «Исключительная любовь к театру» [17, л. 48].

ВЛАДИМИР ПОЛЛАК: «Я НИКОГДА НЕ БЫЛ БЕДНЫМ»

Предельно мало сведений сохранилось по Владимире Михайловиче Поллаке. Из личной переписки — два письма на имя актрисы и режиссера Н.Н. Бромлей.

В письме 1933 г. он образно и эмоционально рассказывает о своих главных увлечениях. Он антиквар и пишет стихи.

«Сегодня первый весенний день. От нежности или еще чего я два часа висел на шее телефона, вызывая историю о ренессансных досках и таинственном Канове... мечтаю о досках и вообще о приобретениях, которые стали ничтожны. Пустые магазины. Исчезли таинственные подземелья с плесенью, пылью... Будни, сплошные будни!» [18, л. 73].

Через несколько месяцев Поллака арестовали. Эта часть биографии молодого человека нам оказалась известна благодаря превосходным мемуарам Н.М. Любимова (1912–1992), известного переводчика зарубежной классики.

...В августе 1933 г., после окончания Института новых языков (Московский государственный лингвистический университет) Н.М. Любимов приезжает в Москву. Его принимают на работу в издательство «Academia», а в октябре 1933 г. он был арестован. Вспоминая два месяца своего пребывания в Бутырской тюрьме, Н.М. Любимов рассказывает о вполне еще мирных тюремных обычаях: «Староста (в камере) по своему выбору назначал библиотекаря. В обязанности библиотекаря входило раз в месяц посещать тюремную библиотеку и менять книги» [19, с. 75].

Юному «Николеньке», как звал его сосед по камере, свои библиотечные обязанности передал никто иной, как Владимир Поллак.

«До меня библиотекарем был у нас приемный сын артиста МХАТ'а II Новского Владимир Михайлович Поллак. Он был лет на семь старше меня. Мы сошлись с ним на любви к литературе. Он был уверен, что по характеру его дела ему не миновать лагеря, хотя и не на долгий срок, и что скоро его вызовут на этап. Так оно и оказалось: ему дали всего два года самого близкого к Москве лагеря: “Волга — Москва”. Он заранее уговорился со старостой, что когда

Дом на набережной канала Грибоедова в Ленинграде, где жил И.П. Новский

его вызовут на этап, то обязанности библиотекаря перейдут ко мне. Перед годовщиной Октябрьской революции был “большой этап”, и при этом почему-то, сверх обыкновения, ночной. Меня разбудили под утро. Оказалось, что Владимира Михайловича вызвали “с вещами”. Мы с ним простились» [19, с. 75].

Поллак мог оказаться на строительстве канала Москва — Волга им. И.В. Сталина (ныне канал им. Москвы), в одном из самых больших отделений ГУЛАГа. Точное количество заключенных и данные о смертности неизвестны — документы были уничтожены.

Мог ли молодой москвич, представитель столичной богемы, антиквар и литератор пережить эту страшную каторгу?..

Автор статьи разослал запросы по разным адресам. В Управление Федеральной службы безопасности РФ по г. Москве и Московской области, в Информационный центр Главного управления МВД РФ по Московской области, в Зональный информационный центр Главного управления МВД РФ по г. Москве, в Центр реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации (Центральный архив МВД России).

Отовсюду пришли однообразные ответы: «сведениями не располагаем», «архивных документов на хранении не имеем», «архивного следственного дела не имеется».

Поиск так бы и зашел в тупик. Если бы не архивные документы, хранящиеся в фонде И.П. Семеновского в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), и помощь О.А. Краевой, научного сотрудника Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства.

Были обнаружены документы, написанные собственноручно И.П. Новским и В.М. Поллаком — они достаточно подробны, не слишком противоречивы и точно отражают сложнейшее время, в которое им нередко приходилось не столько жить, сколько выживать.

Как мы помним, И.П. Новский в 1946 г. писал об усыновлении Владимира Михайловича Поллака. Эта фраза порождает больше вопросов, чем ответов. Одно бесконечно радует: молодой человек остался жив и смог переехать в Ленинград.

Как удалось актеру вырвать своего друга из пасти лютой НКВДшной машины уничтожения? Почему не сохранилось никаких следов о его пребывании в Бутырской тюрьме и о полученном сроке?

И главное — как он мог устроиться на работу, когда повсюду, а особенно в Ленинграде, началась бешеная «охота на ведьм»? Когда повсеместно органы НКВД уничтожали театральную элиту и раскрывали «вредительские гнезда» [20, с. 45].

Можно предположить, что Новский хотел бы устроить вернувшегося из заключения приемного сына в театр, где работал сам — в Ленинградский государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина (бывший Александринский театр). Но понимал, что сделать это будет невозможно...

В середине 1930-х гг. главным режиссером и художественным руководителем театра был назначен Леонид Сергеевич Вивьен (1887–1966). В начале революции после ареста ему удалось избежать гибели лишь благодаря своевременному вмешательству В.И. Ленина. В 1930-е гг. театр Л.С. Вивьена арендует сценическую площадку в Доме культуры железнодорожников. Через несколько лет шесть актеров его театра были расстреляны, театр закрыт. Л.С. Вивьен был не только блестяще талантлив — он был человеком мужественным, с чувством собственного досто-

инства. Но взять в театр человека, имевшего судимость по политической статье...

На запрос о возможном трудоустройстве друга Новского в театр Л.С. Вивьена заведующая отделом музейной экспозиции Александринского театра С.Ю. Спирина ответила: «просмотрела учетные карточки за 1933–1968 гг., а также... лицевые счета штатных и внештатных сотрудников за 1952 и за 1948 годы. Не было такого сотрудника в нашем театре».

Значит все-таки — Ленинградский драматический театр...

И действительно, по сообщению, полученному автором статьи от заведующей литературной частью Ленинградского драматического театра им. В.Ф. Комиссаржевской М.В. Заболотной, «в списке работавших в театре с 1942 по 1945 годы это имя встречается».

Единственное сохранившееся письмо В.М. Поллака военного времени было адресовано Н.Н. Бромлей и написано из Читы 15 октября 1941 года. В.М. Поллак находился рядом с Б.М. Сушкевичем и помогал ему в театральные постановки. Он подробно рассказывал Бромлей о премьеры — спектакле «Кутузов», где Борис Михайлович исполнял главную роль. Добросовестно анализируя каждую роль, он особо отмечал удачу ведущего актера: «Борис Михайлович хорош везде и особенно в 7 картине (Тарутино). В некоторых местах аплодисменты и не по тексту, а по образу» [21, л. 74].

В его письме звучит мучительное беспокойство о друге, оставшемся в блокадном городе: «...Мысли об оставшемся там самом дорогим и близком человеке — неотступны, мучительны и изнуряющи...» [21, л. 74].

К счастью, когда война закончилась, все вернулись в Ленинград и продолжили любимое дело.

О работе В. Поллака после войны в Ленинградском драматическом театре им. В.Ф. Комиссаржевской свидетельствуют театральные афиши. Судя по ним, он служил здесь помощником режиссера («вел спектакль»). Его имя указано на афишах спектакля «Дон Сезар де Базан» по пьесе Ф. Дюмануара и А. д'Эннери. Он работал в двух спектаклях, поставленных главным режиссером театра В.С. Андрушкевичем — «Вечно живые» (1956) и «Первая симфония» (1957), а также в спектакле «Светите звезды!» (1957).

Здесь одну из первых своих ролей — беспризорника Котьки, сыграла Алиса Фрейндлих.

Хочется думать, что В.М. Поллак прожил достойную жизнь. Ведь главное мы о нем уже знаем: он любил театр и был бесконечно предан друзьям. Над его словами, сохранившимися в немногих письмах, хочется размышлять: «Я всегда думал: не тот богат, кто имеет, а тот, кто хочет иметь... Быть может это эгоизм, но я никогда не был бедным.» [18, л.73].

Список источников

1. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 354. Оп. 2-1. Д. 165. Л. 29.
2. Ильинский И.В. Сам о себе. 3-е изд., доп. Москва : Искусство, 1984. 535 с.
3. Березарк И.Б. Борис Сушкевич. Ленинград : Искусство, 1967. 187 с.
4. Куинджи В.Е. Воспоминания о Н.Н. Бромлей // Российский государственный архив литературы и искусства Ф. 2960. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
5. Соловьева И.Н. Первая студия. Второй МХАТ: из практики театральных идей XX века. Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 667 с.
6. МХАТ Второй: опыт восстановления биографии / [под ред. И.Н. Соловьевой, А. М. Смелянского (гл. ред.), О.В. Егошиной]. Москва : Московский Художественный театр, 2010. 954 с.
7. Московский Художественный театр (2). Москва : [Моск. худож. театр, 2-й], 1925. 177 с.
8. Эфрос Н.Е. Сверчок на печи : инсценированный рассказ Ч. Диккенса / Студия Московского Художественного театра. Петербург : Изд. А.Э. Когана, 1918. 86 с.
9. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (СПбГМТ и МИ). Ф. 245. Оп. 806. Д. 61. Л. 62.
10. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (СПбГМТ и МИ). Ф. 245. Оп. 806. Д. 61. Л. 1 об.—2.
11. Барينو М.Н. Судьба бросала меня как лодочку в океане... (Воспоминания). Санкт-Петербург : Папирус, 2012. 584 с.
12. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (СПбГМТ и МИ). Ф. 245. Оп. 806. Д. 68. Л. 67.
13. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (СПбГМТ и МИ). Ф. 245. Оп. 806. Д. 59. Л. 60.
14. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (СПбГМТ и МИ). Ф. 245. Оп. 806. Д. 69. Л. 70.
15. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (СПбГМТ и МИ). Ф. 245. Оп. 806. Д. 66. Л. 66.
16. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (СПбГМТ и МИ). Ф. 245. Оп. 806. Д. 67. Л. 67.
17. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-354. Оп. 2-1. Д. 165. Л. 48.
18. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (СПбГМТ и МИ). Ф. 245. Оп. 806. Д. 73. Л. 73.
19. Любимов Н.М. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний : [в 3 т.]. Т. 2. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 760 с.
20. Ларцева Н.В. Театр расстрелянный. Петрозаводск : Петропресс, 1998. 157 с.
21. Отдел рукописей Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (СПбГМТ и МИ). Ф. 245. Оп. 806. Д. 74. Л. 74.

Ippolit Novsky and Vladimir Pollak: In Love with Theatre (Biographical Materials)

Asya F. Veksler

National Research University — Higher School of Economics, 8/2, Building 1, Malyy Trehsvyatitskiy Lane, Moscow, 101000, Russia
ORCID 0000-0002-8763-4342; SPIN 3263-6597
E-mail: vekpr@mail.ru

Abstract. *Ippolit Novsky and Vladimir Pollak are the names that will say nothing to modern theatergoers, and even those experts who know the theatrical past of our country well may hardly recollect them. Nevertheless, these two made their contribution to the development of Russian theatrical art. Educated, multi-talented, antiquity experts, they, unfortunately, did not leave any memoirs. Even their letters are almost not survived to our days. The Soviet history of the 1930s knows many similar examples. That time, when people had to destroy their priceless records, personal correspondence, their own memories, can be called the New Middle Ages. Unfortunately, that fully affected our heroes, especially V. Pollak, who was an assistant director in the V.F. Komissarzhevskaya Leningrad Drama Theater in the 1960s.*

Otherwise, we would surely know much more about their lives and companionship. And the people around them were more than worthy of our notice.

Hereditary nobleman Ippolit Petrovich Semenovskiy (pseudonym — Novsky) was a close friend of E.B. Vakhtangov and B.M. Sushkevich; together with the collaboration of B.M. Sushkevich and N.N. Bromley, he shared their Leningrad creative period. He played first in the Moscow Art Theater, and then on the stage of the A.S. Pushkin Leningrad State Academic Drama Theater, taught acting at the Central Theater School, in the workshops of B.M. Sushkevich and E.I. Time, and at the Karelian-Finnish Studio.

During the siege of Leningrad, I.P. Novsky was working on the radio, and the works of Russian classics in his performance supported the strength and hope of the Leningraders. I.P. Novsky and V.M. Pollak had to go through many dramatic events, but they retained their devotion and deep love for the theater. They were among those inconspicuous but indispensable servants of Melpomene.

Key words: theatre, Moscow Art Theatre 2, E.B. Vakhtangov, Leningrad State Drama Theatre, N.N. Bromley, B.M. Sushkevich.

Citation: Veksler A.F. Ippolit Novsky and Vladimir Pollak: In Love with Theatre (Biographical Materials), *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 6, pp. 628–639. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-6-628-639.

References

1. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (TsGALI SPb)* [Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg], coll. 354, aids 2-1, fol. 165, p. 29.
2. Ilyinsky I.V. *Sam o sebe* [About Myself]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984, 535 p.
3. Berezark I.B. *Boris Sushkevich*. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1967, 187 p. (in Russ.).
4. Kuindzhi V.E.. *Memories of N.N. Bromley, Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art], coll. 2960, aids 1, fol. 4, p. 6.
5. Solovyova I.N. *Pervaya studiia. Vtoroi MKhAT: iz praktiki teatral'nykh idei XX veka* [The First Studio. The Second Moscow Art Theatre: From the Practice of Theatrical Ideas of the 20th Century]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2016, 667 p.
6. Solovyova I.N., Smelyansky A.M., Egoshina O.V. (eds). *MKhAT Vtoroi: opyt vosstanovleniya biografii* [Moscow Art Theatre II: An Experience of Biography Restoration]. Moscow, Moskovskii Khudozhestvennyi Teatr Publ., 2010, 954 p.
7. *Moskovskii Khudozhestvennyi teatr (2)* [Moscow Art Theatre (2)]. Moscow, 1925, 177 p.
8. Efros N.E. *Sverchok na pechi: instsenirovannyi rasskaz Ch. Dikkensa* [The Cricket on the Hearth: A Staged Story by Ch. Dickens]. Petersburg, A.E. Kogana Publ., 1918, 86 p.
9. *Otdel rukopisei Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo muzeya teatral'nogo i muzykal'nogo iskusstva (SPbGMT i MI)* [Manuscripts Department of the St. Petersburg State Museum of Theatre and Music], coll. 245, aids 806, fol. 61, p. 62.
10. *Otdel rukopisei Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo muzeya teatral'nogo i muzykal'nogo iskusstva (SPbGMT i MI)* [Manuscripts Department of the St. Petersburg State Museum of Theatre and Music], coll. 245, aids 806, fol. 61, pp. 1 back–2.

11. Barinova M.N. *Sud'ba brosula menya kak lodochku v okeane... (Vospominaniya)* [The Life Tossed Me About Like a Boat in the Ocean... (Memories)]. St. Petersburg, Papirus Publ., 2012, 584 p.
12. *Otdel rukopisei Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo muzeya teatral'nogo i muzykal'nogo iskusstva (SPbGMT i MI)* [Manuscripts Department of the St. Petersburg State Museum of Theatre and Music], coll. 245, aids 806, fol. 68, p. 67.
13. *Otdel rukopisei Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo muzeya teatral'nogo i muzykal'nogo iskusstva (SPbGMT i MI)* [Manuscripts Department of the St. Petersburg State Museum of Theatre and Music], coll. 245, aids 806, fol. 59, pp. 60.
14. *Otdel rukopisei Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo muzeya teatral'nogo i muzykal'nogo iskusstva (SPbGMT i MI)* [Manuscripts Department of the St. Petersburg State Museum of Theatre and Music], coll. 245, aids 806, fol. 69, p. 70.
15. *Otdel rukopisei Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo muzeya teatral'nogo i muzykal'nogo iskusstva (SPbGMT i MI)* [Manuscripts Department of the St. Petersburg State Museum of Theatre and Music], coll. 245, aids 806, fol. 66, p. 66.
16. *Otdel rukopisei Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo muzeya teatral'nogo i muzykal'nogo iskusstva (SPbGMT i MI)* [Manuscripts Department of the St. Petersburg State Museum of Theatre and Music], coll. 245, aids 806, fol. 67, p. 67.
17. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (TsGALI SPb)* [Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg], coll. R-354, aids 2-1, fol. 165, p. 48.
18. *Otdel rukopisei Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo muzeya teatral'nogo i muzykal'nogo iskusstva (SPbGMT i MI)* [Manuscripts Department of the St. Petersburg State Museum of Theatre and Music], coll. 245, aids 806, fol. 73, p. 73.
19. Lyubimov N.M. *Neuvyadaemyi tsvet. Kniga vospominanii* [The Unfading Color. A Book of Memoirs], vol. 2. Moscow, Yazyki Slavyanskoj Kul'tury Publ., 2004, 760 p.
20. Lartseva N.V. *Teatr rasstrelyannyi* [The Shot Theatre]. Petrozavodsk, Petropress Publ., 1998, 157 p.
21. *Otdel rukopisei Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo muzeya teatral'nogo i muzykal'nogo iskusstva (SPbGMT i MI)* [Manuscripts Department of the St. Petersburg State Museum of Theatre and Music], coll. 245, aids 806, fol. 74, p. 74.

НОВИНКА

Юрьева Т.С. Американское искусство XVIII—XIX веков. Объективное и субъективное : методическое пособие / Т.С. Юрьева. Санкт-Петербург : Троицкий мост, 2018. 208 с.

Пособие, посвященное изобразительному искусству XVIII—XIX вв., сочетает в себе искусствоведческие, философские и культурологические аспекты. Американское искусство рассматривается в контексте мировой культуры как проявление в уникальном варианте универсальности культурно-исторических законов. Основываясь на художественном анализе творчества лимнеров (примитивистов), ведущих американских художников XVIII—XIX вв., автор выявляет собственно американские черты и те, которые были привнесены в американскую культуру европейскими мастерами.

Автор дает собственное определение понятию «американская мечта», показывая ее рождение в XVIII столетии. Раскрывая особенности американского культурного пространства XIX в., автор приходит к важному выводу о прерывании традиции XVIII столетия, акцентируя внимание на стремлении писателей, художников, философов выразить национальные идеи, способные выйти за рамки собственной страны.

Данное методическое пособие способствует пониманию американского характера, специфики американской культуры и поможет бакалаврам, магистрам, преподавателям гуманитарных вузов оценить искусство США.